Философский журнал
2026. Т. 19. № 3. С. 6–14
УДК 124.2

The Philosophy Journal
2026, Vol. 19, No. 3, pp. 6–14
DOI 10.21146/2072-0726-2026-19-3-6-14

КАТЕГОРИИ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

КУДА СМОТРИТ РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ?

Дискуссии о специфике русской философии, ее актуальном состоянии, возможностях и путях развития всегда были существенной частью отечественной философской культуры, приобретая порою и острый полемический характер. Некоторая интенсификация этих дискуссий в последние годы не только отражает возросший интеллектуальный и общественный запрос, но и свидетельствует о том, что эти вопросы остаются пространством заметного полемического потенциала.

26 сентября – 28 сентября 2025 г. в поселке Новый Свет (Крым) состоялись XXI Таврические философские чтения «Анахарсис», посвященные теме «Русская философия в современном мире» и организованные Крымским федеральным университетом имени В.И. Вернадского и Российским государственным гуманитарным университетом. Важной частью конференции стала развернувшаяся дискуссия на тему «Куда смотрит русская философия?», материалы которой ниже предлагаются читателям «Философского журнала».

Эти статьи демонстрируют, что проблематизировать вопрос, вынесенный в заголовок дискуссии, возможно по-разному. Можно сделать это через аналитическое исследование конкретных дисциплинарных срезов, позволяющее зафиксировать специфику конкретно-исторического момента их развития, его проблемы и перспективы (статьи *А.А. Шиян* (РГГУ) о феноменологии в современной России, *Р.В. Псху* (РУДН им. Патриса Лумумбы) о подходах, представленных в нынешнем отечественном философском востоковедении). Можно – через рассмотрение тематически выстроенного проблемного поля (материалы *Ю.М. Коротченко* (КФУ им. В.И. Вернадского) об антиконструктивистском потенциале русского персонализма и *Л.Т. Рыскельдиевой* (КФУ им. В.И. Вернадского) о категории «смысл» в контексте проблематики непереводимости). Или же – через реконструкцию и актуализацию отдельного сюжета из недавней истории отечественной мысли, вскрывающего философствование как преимущественно сократическое действование, приобретающее особое значение именно в цифровую эпоху (статья *О.В. Зарапина* (КФУ им. В.И. Вернадского) о лекционных курсах М.К. Мамардашвили и В.В. Бибихина).

Эти способы, разумеется, не исчерпывают всех возможностей, но уже самим фактом своего сосуществования указывают на многообразие этих возможностей, создающих своим взаимодействием насыщенную среду, в которой разворачивается саморефлексия национальной философской культуры.

В.В. Сидорин

Л.Т. Рыскельдиева

О ТРУДНОСТЯХ ПЕРЕВОДА СЛОВА «СМЫСЛ»

Рыскельдиева Лора Турарбековна – доктор философских наук, член-корреспондент РАН, профессор кафедры религиоведения и философии культуры. Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского. Российская Федерация, 295007, г. Симферополь, пр. Вернадского, д. 4; e-mail: ryskeldieval@mail.com

Констатируется не всегда обоснованная широта употребления слова «смысл» в качестве термина в современном русском языке вообще и в философских текстах в частности. Ставится вопрос о корректности перевода слова «смысл» в качестве философского термина, который может претендовать на непереводимость. Формулируется проблема перевода английского *meaning* в качестве «смысл» в тексте книги Т. Нагеля «Что все это значит?» и делается вывод о том, что такой перевод и верен, и неверен. Рассуждая о *meaning*, Нагель имеет в виду основу всего дискурса, позволяющую употреблять слова *sensibly* (осмысленно?), то есть с опорой на *sense* (смысл). Поиск классических истоков понятия *sense* приводит к Т. Гоббсу, в семиотических рассуждениях которого дискурсивная опора проявляется в качестве *Ego Sentio*. Утверждается, что в русской классической философии слово «смысл» имеет такую же фундаментальную, но иную по значению топологию и играет роль презумпции, а само слово – знак целостности, неисчерпаемой и в теоретическом, и в практическом рассмотрении, гарантирующей единство дискурса и смысл жизни его носителя.

Ключевые слова: смысл, значение, философский текст, перевод, Т. Нагель, Оруэлл, ощущение, В.С. Соловьев

Для цитирования: *Рыскельдиева Л.Т.* О трудностях перевода слова «смысл» // Философский журнал / Philosophy Journal. 2026. Т. 19. № 3. С. 6–14.

М.К. Мамардашвили писал когда-то, что философский язык – «…это просто грамотность рассуждения, у которой есть свои законы – нельзя рассуждать невинно. Если уж мы начали рассуждать, то обязаны выполнять эти законы, знаем мы о них или не знаем. Если не знаем, они сами себя покажут в рассуждении – наказанием каким-нибудь. Так что лучше знать»[1]. Этот тезис можно понимать так, что философия не предоставляет нам какой-то особый язык, а автор философского текста выражает свои мысли на том языке, на котором думает, но грамотно и в особом режиме. В каком же? Ниже я собираюсь показать, что важная характеристика такого режима – особая внимательность к употреблению русского слова «смысл». В последнее время оно стало особенно популярно в современном русском языке и появляется в очень разных контекстах. Особенно когда требуется обращение к чему-то умному и глубокому, включая даже «умное» в такой неожиданной сфере, как эффективный менеджмент – там могут искать и, главное, находить целый набор смыслов, легитимирующих дорогостоящее создание того или

[1] *Мамардашвили М.К.* Неизбежность метафизики // *Мамардашвили М.К.* Необходимость себя (Лекции. Статьи. Философские заметки). М., 1996. С. 107.

© Рыскельдиева Л.Т., 2026

иного предприятия или его реконструкцию. Широко и смело употребляют его и нейросети, благодаря которым, как сказали бы лингвисты, происходит «вульгаризация узуса» этого слова, его исконное значение размывается и в конечном счете теряется.

Между тем это слово во многом ключевое для русской философии. Именно потребность в смысле, поиск смысла жизни («жизнь, чтобы иметь настоящий *смысл*»[2]) понятен каждому, он и приводит В.С. Соловьева к добру как безусловно должному и оправданию добра как пути нравственной, наполненной смыслом жизни. Этой потребности в конечном счете подчинена, по словам Соловьева, и «“воля к философствованию”, как сказал бы немец»[3], а «непрерывно возрастающим меньшинством» он назвал тех, кто, преследуя эту цель, еще и имеет необходимость «отчетливо мыслить»[4] о смысле/должном/добре, – это прежде всего философы-теоретики. Кроме такого фундаментального, метафизического контекста в наши дни слово «смысл» часто попадает в контекст герменевтический и, в частности, обозначает то, ради чего осуществляется перевод философского текста с языка одной философской культуры на другой.

Очевидно, что перевод – неустранимый сегмент европейской философской культуры. Не только потому, что переводом мы сейчас можем назвать любой процесс понимания (как своеобразного перевода на язык, понятный мне), но и просто потому, что история европейской философии есть нескончаемый процесс деятельности переводчиков, которые, можно сказать, буквально переводят, переносят смысл из языка автора в язык читателя. С какой целью? Внешний слой такой цели тесно связан с форматом текста: перевод заказан издательством для продажи, переводчик прочитал и очень понравилось и проч. Но каков ее внутренний слой, что происходит, когда мы читаем иноязычный философский текст на родном языке? Он инкультурируется и становится элементом нашей культуры? Или в философии (как в музыке) нет стран и языков, мир разума един, а практикой переводов мы создаем общий философский язык? Что происходит или может произойти со смыслом философского текста при переводе? Мой тезис состоит в том, что само русское слово «смысл» может претендовать на статус непереводимости или обоснованно требовать к себе особого отношения при переводе. И дело тут не только в русском языке.

Со времен Г. Фреге мы знакомы со ставшей уже привычной парой *sense – meaning (Sinn – Bedeutung)*, в которой именно *sense* принято переводить как «смысл». Влияние, которое это фрегеанское различение оказало на англоязычную аналитическую философию, трудно переоценить, оно определило появление целого ряда фундаментальных трудов и, можно сказать, целый сюжет ее развития в XX веке. Во многом он был вызван трудностями перевода семантики терминов *Sinn* и *Bedeutung* на английский язык, подробно описанными авторами «Европейского словаря философий»[5]. С одной стороны, этот сюжет – поиски или даже конструкция единого, универсального английского языка аналитической философии, с другой –

---

[2] *Соловьев В.С.* Первое начало теоретической философии // *Соловьев В.С.* Сочинения: в 2 т. Т. 1. М., 1988. С. 758.

[3] Там же. С. 765.

[4] Там же. С. 758.

[5] Европейский словарь философий. Лексикон непереводимостей. Т. 1. Киев, 2015. С. 239–247.

отражение трудностей перевода в том случае, если на языке перевода люди «так не думают»[6]. Возьмем для примера характерный именно в отношении смысла, известный текст Т. Нагеля «Что все это значит?» в замечательном русском переводе[7]. В данном случае именно *meaning* практически везде, кроме заглавия («значит»), переведено как «смысл». С одной стороны, это верно, с другой – нет[8].

Во-первых, термин «смысл» употреблен при переводе таких выражений, как «can be understood»[9] («может быть осмыслена»), «the center of philosophy»[10] («смысловой центр философии»), «asking questions»[11] («осмысление»), «the point of most of the things you do»[12] («смысл большинства ваших поступков») и, наконец, «the meaning of your life»[13] («смысл жизни»). Всегда ли этот перевод корректен? Нет, но даже если так, то все равно уместен.

Во-вторых, в русском языке «смысл» – субстантив, от которого может быть образован глагол «осмыслять», английское *meaning* – девербатив от глагола *to mean*. Но при этом в обоих случаях сохраняются нужные коннотации «серьезности».

В-третьих, вывод заключительной главы «Смысл жизни» состоит в том, что (в переводе) «жизнь бессмысленна» – «life is meaningless», что само по себе вызывает у нас если не раздражение, то недоумение: неужели для этого написана вся книга?

Однако если разобраться, то такой вывод вовсе не скандален. В английском оригинале автор имеет в виду именно «meaning» – «значение», а у термина «жизнь» (жизнь вообще, ничья, абстрактная) без процедуры наделения значением его нет. Оно появляется как ответ на вопрос «что вы имеете в виду?», о какой жизни идет речь (what do you mean?). То есть «life» вообще, действительно, можно назвать «meaningless». Но если принять цель, заявленную автором книги, и согласиться с тем, что философия может научить думать / задавать конкретные вопросы, и если при этом мы способны ответить на вопрос о «point» – сути, цели каждого нашего действия, то цель прочтения и усвоения этой книги вполне можно считать достигнутой. Другими словами, для англоязычной философской культуры термин *meaning* имеет не менее серьезное значение, что и термин «смысл» для нас. Как наделяют значением (*meaning*)?

В главе «Значение слов» (Meaning of words) автор пишет о «почти чуде», когда звук слова или несколько знаков могут вызывать сходные мысли у всех людей, включая китайцев. Слово «табак», например. Именно потому, что *за словом* «табак» стоит что-то – идея, понятие, мысль – в качестве посредника. Что это за посредник? Он что-то в нас или вне нас, за что мы можем, пишет Нагель, «зацепиться» (*latch onto*). То есть, если «зацепился», появля-

---

6 *Зализняк А.А.* Русская семантика в топологической перспективе. М., 2013. С. 11.

7 *Нагель Т.* Что все это значит? Очень краткое введение в философию. М., 2001.

8 Не будучи переводчиком, заранее согласна со всей критикой со стороны профессионалов, чей труд высоко ценю и глубоко уважаю, я выступаю здесь только в качестве заинтересованного и неравнодушного читателя.

9 *Nagel Th.* What Does It All Mean? A Very Short Introduction to Philosophy. Oxford, 1987. P. 4.

10 Ibid.

11 Ibid.

12 Ibid. P. 95.

13 Ibid. P. 97.

ется возможность, что «it makes sense», и вы при этом сможете делать утверждения, как он выражается, «sensibly» – или «осмысленно», скажем мы.

Что позволяет тому, кто «зацепился», правильно понимать и рассуждать осмысленно? Откуда начинается верное использование слов? В тексте Т. Нагеля прямого ответа нет, но где начало, истоки «meaning-центричного» подхода к языку аналитиков? Их поиски непременно приводят нас к Т. Гоббсу.

Т. Гоббс, полагаю, истинный родоначальник современной семиотики как науки о знаках, заложил основы такого подхода к языку, при котором языком можно пользоваться с пользой, то есть во благо – *use*, а можно его *abuse* – использовать не для пользы и не для блага. Особое внимание к языку, фобия по отношению к *ambiguity* (двусмысленности), требование ясности процедуры «наделения значением», выражение «my meaning» – признаки своеобразной обсессии англоязычной философии.

В борьбе с неправильным использованием языка, имеющим ужасные политические последствия[14], Т. Гоббс делает ставку на очищение слов, а о процедуре очищения в главе «Левиафана» «О рассуждении и научном познании» («Of Reason, and Science», Part I, Ch. V)[15] он рассуждает с помощью двух причастий – *purged* и *snuffed* – такими должны быть слова, приготовленные для участия во вразумительной речи. Какими же? *Purged* как образованное от латинского корня не вызывает у нас трудностей перевода, а вот *snuffed* вызывает, кроме того, в русских изданиях текста Т. Гоббса перевода этого слова нет[16]! *Snuffed* – слово с неясной (английская? фламандская? голландская?) этимологией, его значение можно представить по тому, что происходит с понюшкой табака, взятой из табакерки. Спектр возникающих здесь ассоциаций я оставлю на усмотрение читателя[17]. Будем опираться на то, что если слово уже *snuffed*, то никакой двусмысленности у него нет. На такое слово можно «опереться», его значение уже точно «мое», оно до конца прочувствовано. Что это за конец? Полагаю, он и есть смысл (*sense*).

Рассуждение о словах/речи – это раздел 1, глава 5 «Левиафана», написанного по-английски. Первая глава этого раздела, самое начало книги – «On Sense», что переводится, разумеется, как «Об ощущении». И в ее начале он объясняет, что же принято считать *sense*: «Причиной ощущения является внешнее тело или объект, который давит на соответствующий каждому ощущению орган непосредственно, как это бывает при вкусе и осязании, или посредственно, как при зрении, слухе и обонянии. Это давление, продолженное внутрь при посредстве нервов и других волокон и перепонок те-

---

[14] Рассуждение, мышление = счет, исчисление. Всему, что сосчитано, можно дать имена. Гоббс пишет, что римляне называли денежные счета *rationes*, а операцию счета – *racionatio*, и то, что мы в долговых расписках и в счетных книгах называем статьями счета, они называли *nomina*, т.е. именами, а вот греки имеют лишь одно слово «логос» для речи и разума.

[15] «…the Light of humane minds is Perspicuous Words, but by exact definitions first snuffed, and purged from ambiguity…» (*Hobbes Th.* Leviathan, or The Matter, Forme, & Power of a Common-wealth Ecclesiasticall and Civil. London, 1651. P. 21–22).

[16] «Свет человеческого ума – это вразумительные слова, однако предварительно очищенные от всякой двусмысленности точными определениями» (*Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // *Гоббс Т.* Сочинения: в 2 т. Т. 2. М., 1991. С. 36); «Свет человеческого ума – это вразумительные слова, предварительно однако очищенные от всякой двусмысленности точными дефинициями» (*Гоббс Т.* Левиафан или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М., 1936. С. 63).

[17] *Мюллер В.К.* Англо-русский словарь. М., 1995. С. 714.

ла до мозга и сердца, вызывает здесь сопротивление или обратное давление, или усилие сердца освободиться. Так как это усилие направлено вовне, то оно кажется нам чем-то находящимся вовне. Вот это кажущееся (*seeming*), или этот призрак, люди называют ощущением»[18]. Тогда *sense*, понятое как «ощущение» в качестве последней опоры дискурса, отсылает рассуждающего к очевидности собственного опыта. Это опыт Я как чувствующего, как тела, находящегося во всеобщем движении, которое подвергается воздействию других тел и сопротивляется ему, при этом производя продукт-результат. Это Я – целостное, если иметь в виду полноту телесно-чувственного, разумного, ощущающего, движущегося, живого. Это *Ego Sentio*, а не *Ego Cogito*, субъект, подвергающийся внешнему воздействию и опирающийся на то, что появляется в его результате – *Sense*, то, на что и можно, и нужно опираться.

Именно такой *Sense* как опора дискурса стал основой сенсуализма, материализма, физикализма и в конечном счете всего сциентизма. Который, в свою очередь, стал основой нынешней «Цифры», а именно она в наши дни осуществляет диктат английского языка в качестве языка международного общения, языка менеджеров и программистов[19], а также языка публикаций в зарубежных журналах. Эпистемологический вред от такой языковой унификации в наши дни подтверждается данными большого международного и при этом англоязычного исследования[20].

Корни такого диктата можно обнаружить в очередном призыве к ясному, прозрачному словоупотреблению в масштабной теоретической работе Ч.К. Огдена и А.А. Ричардса «Значение значения» (1923). Их мечты, разумеется, были светлые. «Новые миллионы участников процесса управления общими делами должны теперь попытаться сформировать личное мнение по вопросам, которые когда-то вставали перед немногими»[21], – пишут авторы, направляя острие своего критицизма на самый расплывчатый и неразумительный вид знаков – символы. На вразумительное словоупотребление подавляющим большинством людей здесь возлагаются надежды как на средство эмансипации, во имя которой можно было пойти и на операцию по удалению «лишнего» из английского. И нынешний международный английский, может быть, сам того не ведая, стал именно тем, во что его в свое время хотел превратить фантазер Чарльз Огден уже в качестве автора практического проекта *BASIC English* (1925), «укороченного» и упрощенного интернационального британо-американского, способного служить научным и коммерческим целям. Однако последствия вивисекции в отношении родного языка даже при условии, что им сможет пользоваться большинство, не могли не осознаваться его носителями.

Одним из сторонников этого проекта в свои ранние годы был Дж. Оруэлл, однако в зрелые годы в романе «1984» (1949), по мнению исследо-

---

18 *Гоббс Т.* Левиафан. 1991. С. 9.

19 Уже легитимированные и широко употребляемые в наши дни «комплайенсы», «эмбеддинги» и «ивенты» способны вогнать в ступор человека, знакомого с русской литературой.

20 *Peters U., Cimendereli Ye.C., Davies A. et al.* Epistemic Challenges of Non-native English Speakers in Philosophy: Evidence from an International Survey // Review of Philosophy and Psychology. 2025. Vol. 16. P. 1197–1233.

21 «New millions of participants in the control of general affairs must now attempt to form personal opinions upon matters which were once left to a few» (*Ogden C.K., Richards I.A.* The Meaning of Meaning. With supplementary essays by B. Malinowsky and F.G. Crookshank. New York, 1923. P. X).

вателей, он представил именно *BASIC* в качестве жуткого «новояза», одного из главных средств осуществления действий, прямо противоположных освобождению. Кроме того, борясь за живой английский язык своих соотечественников, Оруэлл написал небольшое яркое эссе «Политика и английский язык» (1946), в котором с болью, пафосом и совершенно в духе автора «Левиафана» пишет о бездумных, мертвых метафорах, о «ходульных» грамматических конструкциях, о вычурности, неуместных латинизмах и наукообразии – обо всем, что *abuse* живой английский язык. Он тоже призывает к самостоятельному употреблению слов и осознанному наделению их значениями, сетуя на быстро формирующуюся привычку современников использовать в речи заимствованные выражения (*ready-made*), штампы и ничего не значащие – *meaningless* – слова. Откуда они? В подразделе «Meaningless words» Оруэлл пишет, что слова ничего не значат не только тогда, когда автор не указывает ни на какой обнаруживаемый объект[22], но даже тогда, когда он не предполагает, что это может за него сделать читатель – тот самый объект, на который, по Нагелю, можно опереться, предмет, помеченный моей мыслью и порождающий очевидность *sense*, по Гоббсу. Но если этот подраздел оруэлловского эссе дать сейчас перевести нейросети Яндекса[23], то *meaning* опять практически везде будет переведено с помощью слова «смысл» – гладко, красиво, умно и по-русски, потребитель будет доволен.

Итак, переводить «meaning» (значение) как «смысл» и правильно, и неправильно. «Смысл» в классических русских философских текстах, в работах наших великих предшественников серьезно отличается от «значения», имеет характер, прежде всего, целостности, она-то и дает начало всему дискурсу: смысл как исходная интуиция моего мира/языка/культуры, которая в свернутом виде содержит всю целокупность философских проблем, а разворачивается в языке, текстах и вопросах каждого отдельного мыслителя. Смысл, можно сказать, «истинный исток и тайна» русской философии. Программные «у мира есть смысл» М.М. Бахтина, «оправдание добра» В.С. Соловьева как ответ на вопрос о смысле жизни, творчество как прорыв к смыслу, по Н.А. Бердяеву, – эти положения выражают презумпцию[24], идейную основу, фундамент классической философской мысли на русском языке. «Смысл должен быть» – формулировка такой презумпции.

Роль такого же фундамента философского мышления в английской традиции играет *Sense* как ответ «Я» на воздействие мира, как очевидность моего чувственного опыта, как основа понятной предметности, когда каждому предмету я как *Ego Sentio* могу дать «метку» (*Notae*) и сделать знаком, а благодаря коммуникации наделить значением. Если иметь в виду формальный признак и судить о фундаментальности понятий, то «смысл» сопоставимо с *sense*, но если принимать во внимание разницу в основаниях философской культуры, то «смысл» – никак не *sense*.

Мыслить современную философскую культуру без переводов не получается. Индолог Д. Зильберман 50 лет назад точно выразился на этот счет: «Пребывание в неизменной культурной традиции подобно состоянию тела, покоящегося или движущегося равномерно в инерционной системе отсче-

---

22 *Orwell G.* Politics and the English Language // Horizon. 1946. Vol. 13. Iss. 76. P. 252–265.

23 А именно в этом браузере мы в данном случае вышли на текст английского оригинала.

24 *Рыскельдиева Л.Т.* О смысле как презумпции // Философский журнал / Philosophy Journal. 2025. Т. 18. № 3. С. 5–15.

та»[25]. Но, рассуждая о параметрах хорошего философского перевода, можно представить в качестве переводческой максимы требование осторожности в употреблении русского слова «смысл». Следование этой максиме будет способствовать сохранению дискурсивной основы русской философии – целостности как неисчерпаемого источника смысла, по отношению к которому возможны как аналитические, так и герменевтические процедуры. Конечно, при условии, что «возрастающее меньшинство», на которое ориентировался В.С. Соловьев, в наши дни все-таки не исчезло. Тогда любую книжку для чтения по философии, в которой утверждается «бессмысленность жизни», я, следуя полезным советам Дж. Бентама, вполне вправе считать плохой – то есть содержащей *annoyance*, бесполезную негативную информацию.

Список литературы

Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Пер. с лат. и англ. Н. Федорова, А. Гутермана // *Гоббс Т.* Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. С. 6–590.

Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Пер. с англ. А. Гутермана. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1936.

Европейский словарь философий. Лексикон непереводимостей / Под рук. Б. Кассен; пер. с фр. Д. Ардамацкая, Г. Вдовина, Ю. Вестель и др. Т. 1. Киев: Дух і літера, 2015.

Зализняк А.А. Русская семантика в топологической перспективе. М.: ЯСК, 2013.

Зильберман Д.Б. Генезис значения в философии индуизма. М.: Эдиториал УРСС, 1988.

Мамардашвили М.К. Неизбежность метафизики // *Мамардашвили М.К.* Необходимость себя (Лекции. Статьи. Философские заметки). М.: Лабиринт, 1996. С. 101–115.

Мюллер В.К. Англо-русский словарь. М.: Русский язык, 1995.

Нагель Т. Что все это значит? Очень краткое введение в философию / Пер. с англ. А. Толстова. М.: Идея-Пресс, 2001.

Рыскельдиева Л.Т. О смысле как презумпции // Философский журнал / Philosophy Journal. 2025. Т. 18. № 3. С. 5–15.

Соловьев В.С. Первое начало теоретической философии // *Соловьев В.С.* Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1988. С. 757–831.

Hobbes Th. Leviathan, or The Matter, Forme, & Power of a Common-wealth Ecclesiasticall and Civil. London: Printed for Andrew Crooke, at the Green Dragon in St. Paul's Church-yard, 1651.

Nagel Th. What Does It All Mean? A Very Short Introduction to Philosophy. Oxford: Oxford University Press, 1987.

Ogden C.K., Richards I.A. The Meaning of Meaning. With supplementary essays by B. Malinowsky and F.G. Crookshank. New York: A Harvest Book, 1923.

Orwell G. Politics and the English Language // Horizon. 1946. Vol. 13. Iss. 76. P. 252–265.

Peters U., Cimendereli Ye.C., Davies A. et al. Epistemic Challenges of Non-native English Speakers in Philosophy: Evidence from an International Survey // Review of Philosophy and Psychology. 2025. Vol. 16. P. 1197–1233.

[25] *Зильберман Д.Б.* Генезис значения в философии индуизма. М., 1988. С. 385.

On the difficulties of translating the word “meaning” (*smysl*)

Lora T. Ryskeldiyeva

Vernadsky Crimean Federal University. 4 Vernadskogo Prospect, Symferopol, 295007, Russian Federation; e-mail: ryskeldieval@gmail.com

The author notes that the widespread usage of the word “meaning” as a term in modern Russian in general and in philosophical texts in particular is not always justified. The question is raised about the correctness of the translation of the word “sense” (smysl) as a philosophical term that can claim to be untranslatable. The problem of translating English “meaning” as “smysl” in the text of T. Nagel’s book “What does it all Mean?” is formulated, and it is concluded that such a translation is both correct and incorrect. By talking about “meaning”, Nagel has in mind the basis of the entire discourse, which allows us to use words sensibly (meaningfully?), that is, based on sense. The search for the classical origins of the concept of sense leads to T. Hobbes, in whose semiotic arguments discursive support manifests itself as *Ego Sentio*. It is argued that in Russian classical philosophy, the word “smysl” has a similarly fundamental, but different in meaning, topology and plays the role of presumption. Thus, the word itself is a sign of integrity, inexhaustible in both theoretical and practical consideration, guaranteeing the unity of discourse and the meaning of life for its bearer.

Keywords: sense, meaning, philosophical text, translation, interpretation, T. Nagel, J. Orwell, V.S. Solovyov

For citation: Ryskeldieva, L.T. “O trudnostyakh perevoda slova ‘smysl’” [On the difficulties of translating the word “meaning” (*smysl*)], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2026, Vol. 19, No. 3, pp. 6–14. (In Russian)

References

Cassin, B. (ed.) *Evropeyskiy slovar’ filosofiy. Leksikon neperevodimostey* [European Dictionary of Philosophies. A Lexicon of Untranslatables], Vol. 1, transl. by D. Ardamatskaya, G. Vdovina, Yu. Vestel’ at al. Kyiv: Dukh i Litera Publ., 2015. (In Russian)

Hobbes, Th. *Leviathan, or The Matter, Forme, & Power of a Common-wealth Ecclesiasticall and Civil*. London: Printed for Andrew Crooke, at the Green Dragon in St. Paul’s Churchyard, 1651.

Hobbes, Th. *Leviafan, ili Materiya, forma i vlast’ gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo* [Leviathan, or The Matter, Forme and Power of a Common-wealth Ecclesiasticall and Civil], transl. by A. Guterman. Moscow: Gosudarstvennoe sotsial’no-ekonomicheskoe izdatel’stvo Publ., 1936. (In Russian)

Hobbes, Th. “Leviafan, ili Materiya, forma i vlast’ gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo” [Leviathan, or The Matter, Forme and Power of a Commonwealth Ecclesiasticall and Civil], transl. by N. Fyodorov, A. Guterman, in: Th. Hobbes, *Sochineniya* [Works], Vol. 2. Moscow: Mysl’ Publ., 1991, pp. 6–590. (In Russian)

Mamardashvili, M.K. “Neizbezhnost’ metafiziki” [The Inevitability of Metaphysics], in: M.K. Mamardashvili, *Neobkhodimost’ sebya (Lektsii. Stat’i. Filosofskie zametki)* [The Necessity of Oneself (Lectures. Articles. Philosophical Notes)]. Moscow: Labirint Publ., 1996, pp. 101–115. (In Russian)

Mueller, V.K. *Anglo-russkiy slovar’* [English-Russian Dictionary]. Moscow: Russky Yazyk Publ., 1995. (In Russian)

Nagel, Th. *Chto vse eto znachit? Ochen’ kratkoe vvedenie v filosofiyu* [What Does It All Mean? A Very Short Introduction to Philosophy], transl. by A. Tolstov. Moscow: Ideya-Press Publ., 2001. (In Russian)

Nagel, Th. *What Does It All Mean? A Very Short Introduction to Philosophy*. Oxford: Oxford University Press, 1987.

Ogden, C.K. & Richards, I.A. *The Meaning of Meaning*. With supplementary essays by B. Malinowsky and F.G. Crookshank. New York: A Harvest Book, 1923.

Orwell, G. "Politics and the English Language", *Horizon*, 1946, Vol. 13, Iss. 76, pp. 252–265.

Peters, U., Cimendereli, Ye.C., Davies, A., et al. "Epistemic Challenges of Non-native English Speakers in Philosophy: Evidence from an International Survey", *Review of Philosophy and Psychology*, 2025, Vol. 16, pp. 1197–1233.

Ryskeldiyeva, L.T. "O smysle kak prezumptsii" [On Smysl as a Presumption], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2025, Vol. 18, No. 3, pp. 5–15. (In Russian)

Solov'ev, V.S. "Pervoe nachalo teoreticheskoi filosofii" [The First Principle of Theoretical Philosophy], in: V.S. Solov'ev, *Sochineniya* [Works], Vol. 1. Moscow: Mysl' Publ., 1988, pp. 757–831. (In Russian)

Zaliznyak, A.A. *Russkaya semantika v topologicheskoy perspektive* [Russian Semantics in a Topological Perspective]. Moscow: YaSK Publ., 2013. (In Russian)

Zilberman, D.B. *Genezis znacheniya v filosofii induizma* [The Genesis of Meaning in Hindu Philosophy]. Moscow: URSS Publ., 1988. (In Russian)